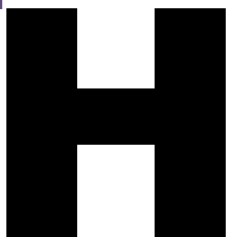

Рустем Вахитов, Уфа

МИНИСТЕРСКИЙ ДЕФИЦИТ

СОВЕТСКУЮ СИСТЕМУ ПОДДЕРЖКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ НАУЧНЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ РАЗРУШИЛИ, АМЕРИКАНСКУЮ ЖЕ СИСТЕМУ ТАК И НЕ ПОВТОРИЛИ...

овоиспеченный министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов публично в эфире телеканала «Россия-1» в программе «Вести в субботу с Сергеем Брылевым» заявил, что преподаватели в вузах, зарабатывающие 20-30 тыс. рублей в месяц - это

педагоги невысокого уровня, соглашающиеся на такую оплату своего труда (Ливанов говорил о московских вузах, где средняя зарплата преподавателя 30 000 рублей, но, понятно, что к провинциальным вузам, где его средняя зарплата раза в два меньше, эта фраза министра относится в еще большей степени).

Интернет сразу же взорвался возмущенными постами, посланиями и статьями, а вслед за ним об этом стали писать и печатные СМИ, говорить по радио и по телевидению. Полностью разделяю возмущение этим, не побоюсь сильного выражения, хамством российского чиновника от образования, в лучших традициях наших бюрократических держиморд позволяющего себе оскорблять своих подчиненных (ведь наши вузы в большинстве своем государственные и профессорско-преподавательский состав в них подчиняется министерству образования и науки).

Но хочется все же ответить чиновнику по существу, а для этого нужно понять его логику.

Ливанов имеет в виду, что если преподаватель достиг высокого уровня профессионализма и как преподаватель и как ученый, но при этом он работает в каком-нибудь средненьком вузе, где ему платят жалкие 15 000 в месяц (а примерно такова средняя зарплата доцента в провинции) или 20 000 (средняя зарплата доцента в столице), то он может бросить этот вуз, устроиться в престижный элитный университет, где ему будут платить втрое больше, потому что специалисты его уровня востребованы на рынке образования. Такова логика нашего министра. Он ее не с неба взял, эта логика просто описывает реалии американской системы высшего образования, конечно, несколько идеализируя их.

В Америке, действительно если преподаватель вуза начинается подниматься над уровнем своих коллег (его лекции посещает большее количество студентов, о нем хорошие отзывы, его статьи печатают крупные научные журналы, а различные солидные фонды выделяют ему гранты), то он сразу же начинает получать приглашения из других вузов, в том числе и более престижных, где ему предлагают куда большую зарплату. Он принимает предложение, которое кажется ему наиболее привлекательным, и переезжает в другой город (благо в США и странах Западной Европы нет системы прописки (разрешительной регистрации и каждый волен уехать куда угодно и жить там), а то и в другую страну).

Если мы посмотрим в Интернете биографии крупных американских или, шире говоря, западных ученых, то увидим, что они регулярно меняют место своей работы, преподавая в университетах самых разных стран мира. Преподаватель, который защитился в своем родном вузе, защитил там диссертацию, остался работать и проработал в нем всю свою сознательную жизнь, считается на Западе неудачником. Значит, он никому не нужен и не интересен как преподаватель и как ученый, если его ни разу не пригласили в другой университет и не предложили более выгодные условия работы.

Поэтому в Америке высказывание, подобное тому которое прозвучало из уст нашего министра образования, хоть имеет какой-то смысл.

Преподавателю могут сказать: если ты получаешь мало, студенты не очень охотно посещают твои лекции, ты не выиграл ни один грант, то это - твоя вина – ты плохой преподаватель и ученый и недостоин большей зарплаты. Хотя и в этом случае в этих словах будет доля лукавства.

Одной из основных проблем в американских вузах является своего рода попустительство нерадивым студентам. Студент на Западе имеет право выбирать себе преподавателя (в этом состоит один из главных принципов гумбольдтовского университета – свобода учебы). Соответственно зарплата преподавателя (если только он не получает деньги из бюджета вуза как какой-нибудь почетный профессор) зависит от того, сколько студентов записались на его курс: чем больше запишется, тем больше зарплата.

В идеале это должно приводить к тому, что студенты будут выбирать самых лучших высокопрофессиональных преподавателей, которые являются признанными специалистами в данной области. В реальности студенты часто предпочитают признанному специалисту, но очень требовательному преподавателю, не очень крупного специалиста, но готового поставить зачет или экзамен за минимум знаний.

Поэтому и в США, и в Западной Европе преподаватель может иметь очень высокий уровень, но получать не очень много по сравнению с другими. То же самое касается и грантов. На Западе существуют модные политически востребованные темы исследований (например, в гуманитарных науках это темы, касающиеся феминизма, субкультур сексуальных, расовых меньшинств). Те, кто выбирают эти темы, имеют больше шансов получить грант, даже если их научный продукт не очень высокого качества. И существуют другие темы, которые могут показаться неполицорректными; даже если ученый написал серьезную работу по этой теме, грант он не получит. Есть, конечно, и неофициальные кланы ученых (западные социологи называют их «научными бандами»), которые захватывают контроль над распределением грантов в каком-нибудь фонде и ученому со стороны никогда не получить поддержку данного фонда.

Но в целом при всех издержках система устроена так, что хороший преподаватель и ученый может повысить свое благосостояние, работая по специальности.

2. У нас в России в советские времена сложилась несколько иная система, связанная с особенностями устройства советского государства и системы высшего образования. При этом она была тоже по-своему эффективной (хотя тоже не лишенной своих недостатков) и советский преподаватель, достигший высокого уровня профессионализма, тоже мог рассчитывать на улучшение своего материального уровня. Но правила этой системы были другими.

Зарплата советского преподавателя вуза зависела не от того, сколько студентов выберет его курс (студенты в советские времена не имели права выбирать себе курсы и тем более преподавателей) и не от количества грантов (которые в СССР просто не было), а от того: какой он имеет разряд по установленной министерством образования единой тарифной сетке (которая действовала и в постсоветской России до 2011 года).

Разряд же в свою очередь зависел от ученой степени (кандидат наук, доктор наук), должности (ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор) и места в системе руководства вузом (завкафедрой, декан, проректор, директор филиала, ректор). Ассистент без степени получал по 9 или 10 разряду, ассистент, имеющий степень кандидата

КАБИНЕТ МИНИСТРОВ

наук – по 11 разряду, старший преподаватель - по 12, 13 или 14 разряду в зависимости от того: имеет он или не имеет степень кандидата наук; кандидат наук и доцент – по 15 разряду, доктор наук и профессор – по 17 разряду.

Заведующим кафедрами и деканам факультетов полагалась надбавка за руководство подразделением вуза (официально они не освобождались от преподавания и получали еще зарплату как преподаватели соответствующих должности и звания). Ректору вуза присваивался высший 18 разряд.

Кроме оплаты труда по тарифной сетке, была еще и сделанная почасовая оплата труда, однако она играла роль дополнительной компенсаторной, основную часть часов преподаватель отрабатывал в рамках выданной ему руководством карточки поручений. Почасовая зарплата зависела также от должности: больше всего за час платили профессору, доктору наук, меньше всего – ассистенту без степени.

Наконец, преподавателям различного уровня полагались различные материальные блага, которые государство выдавало бесплатно, например, квартира для молодых специалистов, лишняя комната в квартире (под библиотеку и кабинет) в случае наличия степени кандидата или доктора наук, спецобслуживание для академиков и т.д.

Итак, для того, чтоб получать большую зарплату преподаватель советского вуза должен был защитить кандидатскую или докторскую диссертации. Много платили тем, кто занял одну из высших должностей в руководстве вуза (ректор, проректор, директор филиала, декан, завкафедрой). Но занять эту должность было практически невозможно, не защитив сначала кандидатской, а затем докторской диссертации (например, на должности, начиная с декана, назначали преимущественно докторов наук) и не пройдя весь путь карьеры преподавателя – от ассистента до профессора, причем, желательно в одном и том же вузе.

В условиях, когда диссертационных советов было немного, находились они лишь в крупных научных центрах (Москва, Ленинград, Новосибирск и т.д.) и чтоб защититься там нужно было, действительно, получить серьезные научные результаты, наша советская система работала так же эффективно, как и американская: хороший ученый и хороший преподаватель получал зарплату в разы большую, чем плохой ученый и плохой преподаватель, так как последний практически не имел перспектив (особенно, в крупных знаменитых вузах) защитить две диссертации и стать профессором, проректором и ректором.

Конечно, имели место и сбои: на место руководителя с большим окладом мог пролезть и пролезали (особенно, в провинции) бездари и серости, писавшие диссертации, например, по «научному коммунизму», где писать можно было что угодно – главное, чтоб побольше ссылок на основоположников и здравствующего генсека.

Но в целом до 1970-х ситуация была здоровой, диссертации, особенно по математическим и естественным наукам защищали лишь крупные ученые и они же становились руководителями в системе иерархии советских вузов и соответственно, наиболее высокооплачиваемыми преподавателями.

Например, в 1950-х ректором МИФИ был крупнейший физик, академик И.И. Новиков, первым ректором МФТИ, когда формально МФТИ был еще факультетом МГУ – академик Христианович, деканами факультетов и завкафедрой также

становились зачастую ученые с мировыми именами (в 1958 году завкафедрой теоретической ядерной физики в МИФИ был лауреат Нобелевской премии И.Е. Тамм, в МГУ кафедрой космических лучей заведовал академик Вернов, открывший внешний радиационный пояс Земли) и уж по крайней мере крепкие добротные специалисты.

Вплоть до 1970-х годов вообще профессор и доктор наук в вузе был редкостью; их было не больше одного – двух на факультет и, как правило, это были настоящие, большие ученые (за редкими исключениями). Потому они не только были единственными кандидатами на руководящие должности и получателями максимальной порции материальных благ, полагавшихся советскому преподавателю (а вспомним, что профессор тогда получал зарплату примерно равную зарплате директора завода), но и были окружены искренним неподдельным уважением...

Ситуация стала меняться в 1970-1980-е гг., когда, как говорят историки образования, в советскую науку пошли «среднячки». Они не обладали большим талантом ученого, зато имели практическую хватку и обширные связи (главным образом в кругах партийных и государственных руководителей, от которых зависело назначение на ту или иную должность). Естественно, корифеи науки – люди, как правило, не очень приспособленные к жизни, обладающие критическим взглядом на реальность, не очень благонадежные с позиций превратившейся в догму идеологии, стали проигрывать ушлым «среднячкам» в административной борьбе.

В итоге должности профессоров и руководящие должности в вузах кое-где стали занимать эти среднячки-ученые и советская система поощрения хороших ученых и преподавателей стала давать сбои: теперь хороший ученый даже если он защищал блестящую диссертацию, мог остаться рядовым доцентом и профессором, который получал ровно столько, сколько и профессор и доцент-средняк, а высокооплачиваемую должность декана или ректора получал его пронырливый коллега-среднячок, соответственно, плохой ученый. Государство на это «закрывало глаза», поскольку эпоха сталинской модернизации, когда строго следили за качеством научных кадров и поддерживали даже «неудобных», но крупных ученых (как, например, было в случае с Петром Капицей, бравировавшим своей нелюбовью к Сталину) давно ушла в прошлое.

Общий разлад коснулся и государства, а не только научного сообщества. Тем не менее до конца 1980-х ситуация еще оставалась более или менее приличной и опасные флуктуации были по крайней мере обратимы. Перестройка и постперестроечная либерализация довершили дело. В 1990-е советы по защите диссертаций открылись практически в каждом городе и чуть ли не в каждом втором вузе, появилось огромное количество новоиспеченных кандидатов и докторов наук, качество научных работ которых оставляло желать лучшего. Из 20 студентов в среднем только 2-3 обладают способностями к научной работе, раньше эти 2-3 защищали диссертации и становились хорошими учеными, теперь из 20 шло в аспирантуру и на местных карманных советах защищали диссертации 10.

КАБИНЕТ МИНИСТРОВ

#02 - 2012 / ГЕОПОЛИТИКА

Таким образом страна получала 3 хороших ученых и 7 никуда не годных. Но эти 7 плохих стремились занять руководящие посты и получили формальное право на это, а 3 хороших не стремились.

Собственно, ученые не по названию, а по призванию никогда особо и не тяготеют к административной руководящей работе. Они хотят заниматься любимым делом – наукой и преподаванием (то есть подготовкой новых научных кадров). А на должности декана, проректора и тем более ректора для занятий наукой элементарно не остается времени...

Сталинские государственные деятели, курировавшие науку, буквально заставляли больших ученых становиться руководителями институтов, университетов, факультетов, и те буквально разрывались между своей научной работой и администрированием и делали все возможное для наилучшей работы научных коллективов, стремясь хоть так внести вклад в науку, если нет времени заниматься самостоятельными исследованиями.

Ученого-средняка как правило не нужно уговаривать занять руководящую должность, она является главной его целью. Наукой заниматься он не любит и не хочет и видит в диссертации лишь средство для получения возжеленной должности. И, заняв эту должность, он будет думать о себе и своем клане, а вовсе не об интересах научного сообщества и государства.

Тем более что с исчезновением в вузах партийной организации исчез и последний механизм контроля за распределением финансовых средств, а средств оставалось немало: у вузов появился новый коммерческий источник финансирования, что компенсировало государственное недофинансирование.

В итоге 90-е стали временем, когда воровство финансов вузовскими руководителями в самых разных видах (выписывание себе больших премий, отмывание денег через строительство и т.д.) приобрело массовый характер.

Именно в 90-е профессорско-преподавательский состав России разделился на две неравные группы: на большинство, которые продолжали заниматься преподаванием и наукой, получая за это неприлично мизерные зарплаты и на меньшинство, занимающих высокие должности в администрации вузов, давно уже переставших преподавать (хотя формально они и считались преподавателями и имели ученые степени) и лишь распределяющих финансовые потоки, имея с этого приличные прибыли.

Причем, настоящие большие ученые, зачастую имеющие мировые имена оказывались в числе низкооплачиваемого меньшинства, тогда как состав администраторов от науки пополнялся за счет людей, которые к науке не имели никакого отношения.

Не редкостью стала ситуация, когда на должность декана или проректора приходили бывшие работники госслужб, чиновники, которым диссертации писали работники этих вузов.

Затем эти диссертации очень быстро защищались на местном карманном совете и новый доктор наук, получивший формальное право претендовать на должность был готов.

А в 2011 году В.В.Путин, который тогда был главой правительства, упразднил единую тарифную сетку и заменил ее новой системой оплаты труда (НСОТ), согласно которой зарплата бюджетника в том числе и преподавателя вуза включает в себя три части:

- оклад (по решению правительства он составляет у преподавателя от 5 до 10 тысяч рублей)

- компенсационные выплаты (доплаты за совмещение должностей, замены и т.д.)

- стимулирующие выплаты (вознаграждение за научную деятельность, качество преподавания и т.д.).

Высокие чиновники, защищавшие новую систему оплаты труда, громкогласно заявляли, что теперь любой преподаватель, если только он хороший педагог и известный ученый, сможет получать очень солидные зарплаты – 30, 40 50 тысяч рублей, даже не будучи деканом или проректором.

Его хорошая работа будет вознаграждаться из особого стимулирующего фонда, куда будет направляться не менее 30% от фонда оплаты труда. А плохие ученые и преподаватели, дескать, будут получать гольный оклад вкупе с небольшими компенсациями, то есть 10-15 тысяч рублей.

Но критики новой системы сразу предсказали, что на деле все будет иначе: ведь распоряжается стимулирующим фондом вузовское начальство (а именно ректор и декан), а угадайте: кого средний декан факультета посчитает самым лучшим педагогом и ученым на факультете, достойным ежемесячной надбавки к окладу размером 30 000 рублей?

Если вы считаете, что кого-нибудь другого, а не себя, любимого да еще своих родственников и друзей, то я снимаю шляпу перед вашей верой в человечество. Так оно и вышло.

По сути путинская НСОТ легализовала сверхвысокие доходы вузовских управленцев, которые раньше они были вынуждены прятать от государства (потому что получали минимум по тарифной сетке, а все остальное добывали путем более или менее изощренных манипуляций с бюджетными и коммерческими деньгами вуза).

Кстати, после этого нетрудно понять, почему руководство российских вузов с таким рвением во время выборов следит, чтоб студенты проголосовали за партию «Единая Россия» и за В.В.Путина и всячески препятствует участию студентов в антиправительственных митингах.

Путин для наших вузовских управленцев – благодетель, который обеспечил им огромные по сравнению с простыми преподавателями и главное – совершенно легальные доходы!

Но вернемся к заявлению нашего министра о том, что преподаватели, которые получают ниже 30 000 рублей – это некачественные преподаватели.

В среднем по России рядовой доцент (не занимающий руководящую должность в вузе и занимающийся лишь преподаванием и наукой) получает на руки около 15 000 рублей в месяц, рядовой профессор – чуть больше 20 000. Это - статистика...

Разумеется, есть исключения. Например, в элитарных московских вузах (но не во всех, как признал сам министр даже в московских вузах средняя зарплата – 20 000) преподаватели

КАБИНЕТ МИНИСТРОВ

получают не маленькие надбавки за иностранные публикации.

Далее, во всех даже в самых бедных вузах всегда есть круг преподавателей, близких к ректорату, которые также получают гораздо больше (причем, вовсе не имея публикаций в серьезных отечественных и зарубежных журналах).

Но в целом рядовой преподаватель, не занимающий в вузе руководящую должность и не имеющий особых связей с деканатом и ректоратом, будь он даже трижды крупным специалистом в своей области и трижды прекрасным педагогом, получает минимум, установленный правительством и министерством, а именно – 5-10 тысяч оклада и около 5-10 компенсирующих (то есть те же пресловутые средние 20 000).

Причем можно не сомневаться, что если это действительно хороший и крупный ученый, то в среднем и особенно провинциальном вузе дополнительной к окладу стимуляции ему не видать.

Такие люди часто бывают неудобными, не умеют подольститься к начальству, а выдача стимуляций зависит от этого самого начальства.

В действительности, ситуация совершенно противоположная той, которую обрисовал министр Ливанов: если преподаватель в России получает меньше 30 тысяч в месяц, работая в одном вузе, то возможно, перед нами хороший преподаватель и хороший ученый (но не обязательно). А вот если он получает больше 30 тысяч в месяц, то скорее всего перед нами средний ученый, никудышный преподаватель, но удачливый вузовский бюрократ...

Министр фактически предлагает преподавателям, получающим низкую зарплату, но осознающих свой высокий потенциал, бросать свою работу и устраиваться туда, где платят больше. Но проблема в том, что этому препятствует сразу несколько факторов.

Начнем с того, что в провинциальных вузах зарплата преподавателя примерно одинакова, так что менять «шило на мыло» смысла нет. Более или менее высокие зарплаты только в наших столицах и прежде всего в Москве (и то не во всех вузах). Но хотя система прописки у нас официально отменена, система особого паспортного режима в Москве и обязательной разрешительной регистрации существует.

Человека без московской регистрации на работу просто не возьмут, а без работы в Москве ему не дадут регистрацию (если только он не в состоянии купить себе квартиру в Москве, но преподавателю с такими доходами искать счастья в столице незачем).

Но и для московских преподавателей ситуация тоже патовая. В отличие от Америки у нас нет традиции приглашать преподавателей из других вузов, как правило, обходятся своими силами, да и конкурсы на замещение должностей почти всегда формальные и проводятся под определенного «своего» человека.

Наконец, даже в Москве высокие зарплаты далеко не во всех вузах. Той горстки элитарных вузов, куда вкачиваются большие деньги, и где хорошим

преподавателям и правда платят очень хорошо, не хватит на всех. В одной Москве тысячи хороших преподавателей, не говоря уже всей России. Вот они и «тянут ляжку» за 15-20 тысяч в месяц, а то и меньше.

Итог неутешительный - свою советскую систему поддержки высококвалифицированных научных и педагогических кадров наше правительство разрушило.

Американскую систему у нас внедрить так и не удалось, тому мешают объективные факторы: особенности национальной вузовской системы, да и особенности самой нашей цивилизации (как то: наличие разрешительной регистрации, затрудняющей передвижение по стране, сосредоточение крупных и элитарных учебных заведений в двух столицах, корпоративный протекционизм при приеме на работу и т.д. и т.п.).

При этом государственным мужам, фактически виновным в таком бедственном положении нашего преподавательского сообщества, еще и хватает наглости оскорблять преподавателей... Это говорит лишь о дефиците совести у высокопоставленных работников российского министерства образования и науки. Впрочем, это, похоже, — одно из главных условий быстрого карьерного роста. ▲

Статью Рустема Вахитова

«Корпорация «Минобразование» (06.06.2012) см:

http://www.геополитика.рф/news/kabinet_ministrov/2012-06-06-582